

A. Erhart. Das indoeuropaische Verbalsystem Brno, 1989 (Opera Universitatis Purkyniae Brunensis Facultas Philosophica, N 190)

Рецензируемая книга выдающегося чешского лингвиста А. Эрхарта – итог многолетней работы. Уже свыше трех десятилетий автор публикует исследования, посвященные индоевропейской глагольной флексии и деривации, отличающиеся четким и продуманным системным подходом и нетривиальностью наблюдений.

Автор подчеркивает немалые трудности, встающие перед исследователем индоевропейского глагола. Монументальное исследование К. Бругмана [1] (1052 стр. его работы посвящены непосредственно глаголу) способно породить иллюзию полной исчерпанности данной темы. Но уже через полвека после выхода Очерка появилось множество других

исследований, предлагавших новые, нередко противоречащие друг другу системы реконструкций. Объясняется это прежде всего новыми данными, поступившими в распоряжение исследователей: дешифровкой тохарских и особенно анатолийских языков. Их глагольная система оказалась значительно проще, чем реконструированная на базе санскрита и древнегреческого. Данные хеттского и тохарских языков заставили по-новому взглянуть на соотношение меди и перфекта, аориста и перфекта и т.д. При сопоставлении анатолийского глагола с другими языковыми группами предлагались самые разные гипотезы. Признание их правомерности зависит от общих теоретических установок, разделяемых авторами. Следовательно, вопрос реконструкции – это прежде всего вопрос метода. Реконструкция должна быть системной и подчиняться требованиям выводимости. Вслед за Л. Ельмслевом [2] автор определяет грамматику как систему, характеризуемую отношениями как между грамматическими категориями так и между граммемами, внутри категорий. В соответствии с этим возникает задача структурного описания данной системы. Поэтому А. Эрхарт разработал для всех реконструированных им категорий свои наборы дифференциальных признаков, в рамках которых любая грамма может быть описана как пучок ДП. Заслуга в применении ДП в морфологии принадлежит Р.О. Якобсону [3–4]; в исторической морфологии этот метод впервые использовал Е. Курилович [5]. Но Курилович к различным категориям (аспекту, залогу, модусу, падежам) применял в общем один и тот же (с модификациями) набор ДП (ср. [6–7]). Напротив, А. Эрхарт не использует одну априорно взятую систему, а разрабатывает для каждой категории адекватное ей описание. Так автор рассматривает систему флексии (категория лица и ее выражение), аспекта и времени (выражение глагольными основами грамматического времени и аспекта), систему глагольных диатез (в том числе соотношение диатезы с некоторыми видо-временными формами), личных окончаний (единственное и множественное число; дуалис; "первичные" и "вторичные" окончания), времени и наклонения. Специальные главы посвящены глагольной системе в западных индоевропейских языках (латинском; германских; кельтских; тохарских; балтийских и славянских), а также анатолийской глагольной системе.

Уже композиция книги А. Эрхарта свидетельствует о четкой и продуманной концепции, лежащей в ее основе. Автор показывает развитие глагольных категорий, отвечающих его наборам ДП, во времени. Бла-

годаря такой процедуре объяснения А. Эрхарта приобретают особую доказательную силу.

Для описания лиц глагола предлагались различные классификации: 1 и 2 л. противопоставлялись 3-му как участники диалога – неучастникам; 1 л. противопоставляется 2-му и 3-му как субъективное – несубъективным. Автор практически объединяет эти две классификации, предлагая следующий набор ДП, использованный им ранее для описания системы личных местоимений [8]: субъективность (идентичность с говорящим); конкретность (участие в диалоге), индивидуальность (единичность). По мнению автора, в праиндоевропейском различались "конкретное" и "неконкретное" 1 л. ед. и мн.ч. Система же глагольных окончаний имела следующий вид: **m/W(V)* "Я/Мы конкретное" (Я конкретное и Мы эксклюзивное); **H(V)* "Я неконкретное" (Я как член коллектива, не выделяющегося из него; лежит в основе флексии перфекта и тематического спряжения); **ni(V)* "Мы инклюзивное" (лежит в основе 3 л. мн.ч.); **i(V)* "Не–Я" (при отсутствии в предложении именного подлежащего); **Ø* "Не–Я" (при наличии подлежащего); **r* – показатель неопределенно-личного предложения. На наш взгляд, по поводу этой реконструкции надо сказать следующее. Во-первых, чрезвычайно важно разграничение "конкретного" и "неконкретного" 1 л. (проведенное уже в работе автора [8, с. 32]). А. Эрхарт ссылается на существование этой оппозиции в некоторых полинезийских языках. В праиндоевропейском следов именно таких граммем не обнаружено, но можно полагать, что данное противопоставление трансформировалось в оппозицию агентивного и неагентивного 1 л. При этом А. Эрхарт считает ларингал фонологической реальностью. Но если его реконструировать как особенность ударения [9], то 1 л. перфекта оказывается маркированным только суперсегментно. Иными словами, древнейший тип перфекта оказывается морфологически неоформленной категорией, что полностью соответствует пассивному характеру перфекта [10]. Кроме того в схеме А. Эрхарта не находится места для аффикса 2 л. В этой связи автор замечает, что реконструируемое по данным всех индоевропейских языков окончание **s* не соотносимо ни с каким местоимением (анафорическое и возвратное *se* слишком далеко по семантике). Другая флексия 2 л. **-tha* (перфектная), по-видимому, представляла собой местоимение 2 л., приобретенное придыхание под влиянием формы 1 л. перфекта **-Ha* [11]. Впрочем, сам А. Эрхарт полагает, что *-H-* было принадлежностью сугубо 1 л., а придыхание объясняется экс-

прессивностью, разграничившей конкретное 2 и неконкретное 3 л. Тем самым для 2 и 3 л. восстанавливается единая праформа **t*, связанная, с одной стороны, с местоимением 2 л. **eltu*, с другой – с указательным местоимением **to*. Форма же *-s*, по мнению автора, возникла как эпентеза между консонантным ауслаутом основы и флексией: *C-t > C-st*. Заметим по этому поводу, что **-s* известно не только в 2, но и в 3 л.: факультативно – в аористах ведических глаголов на долгий гласный (*āprās*, *ādās*, *ādhās*), облигаторно – в 3 л. хеттского протерита спряжения на *-hi*: *dāš* (= *ādās*), *daiš* (= *ādhāš*), а также в древнеперсидском у атематических глаголов (*akunauš*) [12]. То, что *-s* встречается именно у основ на долгий гласный, заставляет усомниться в предложенной автором этимологии: ср. в этой связи [13], где сделан вывод о том, что *-t* изначально относилось к 2 л., а *-s* – к 3-му. На наш взгляд, для такой реконструкции нет достаточных оснований; *-t* и *-s* следует, по-видимому, рассматривать как разные морфемы, значение которых могло существенно совпадать. Вероятно, морфема 2-го л. омонимична морфеме 3-го л.; если перфектное **tha* действительно восходит к местоимению 2 л., то для 3 л. **-ti* логично предположить именное происхождение. Ср. в этой связи существенные совпадения: **-ti* – флексия презенса, т.е. наклонения с нейтральной модальностью и суффикс объективного имени действия, **-tu* – флексия 3 л. императива и суффикс "субъективного" имени действия (см. об именных суффиксах: [14]).

Далее, предложенное автором описание 2 л. как несубъективного конкретного объясняет не только модели 1, 2 vs. 3 л., 1 vs. 2 и 3 л., но и противопоставление 2-го л. остальным. Именно такая модель представлена в германском претерите, где 1 л. идентично 3-му (нем. *hatte* – *hattest*). Тезис же о флексии как показателе отсутствия субъекта, на наш взгляд, недостаточно обоснован. Скорее ∅ окончание, свойственное перфекту, способно образовывать безличные предикаты; в этой функции часто выступают именно стативные и пассивные формы [15]. В целом же, за исключением вышеуказанных спорных моментов, система глагольных флексий в реконструкции А. Эрхарта выглядит чрезвычайно логичной и убедительной.

В главе "Аспект и время" автор присоединяется к точке зрения, согласно которой категория времени развилась в индоевропейском глаголе позже, чем аспектальная (В пользу такого предположения свидетельствует то, что неличные и неиндикативные формы глагола в греческом имеют сугубо аспекти-

туальный характер: аорист – однократность, перфект – состояние в настоящем в результате действия в прошлом.). Автор по сути исходит из известного определения А. Мейе, согласно которому презенс – это основа, принимающая как "первичные", так и "вторичные" окончания, аорист – только "вторичные" [16]. Внедрение "первичных" окончаний в глагол и сформировало категорию времени.

Что же касается аспекта, то автор отмечает значительный разнобой в описании этой категории и предлагает следующую систему ДП: компактность и "множественность" (ср. [17]), понимая под первой однократность под второй – многократность действия. Таким образом, несовершенный вид глагола – некомпактный, немножественный; совершенный – компактный, немножественный; итератив – множественный, не имеющий отношения к компактности. Такая система оказывается изоморфной системе чисел, в рамках которой противопоставлены единственное, множественное и нейтральное число (т.е. не единственное и не множественное). В соответствии с этим автор сопоставляет суффикс сигматического аориста *-s* с флексией номинатива как показателем единичности; аналогичная семантика приписывается и суффиксу *-i* как показателю пассивного аориста в древнеиндийском¹. Другой способ образования компактного аспекта – передвижение ударения на конец основы. Ср. греч. презенс *λεῖπω* – аорист *ἔλιπον*, др.-инд. *vēti* – *āvidat*. По мнению автора, высказанному в ранней публикации [20], перфективирующую функцию здесь несет не столько передвижение акцента, сколько выделяемый им суффикс-детерминатив. В доказательство этого положения автор приводит глаголы без детерминативов или с другими суффиксами: *λεῖπω*, др.-инд. *rinakti* – гот. *letan*, лит. *lièsti*; др.-инд. *yunakti* – *yauti* "связывать"; *bhinati* – слав. БИ-ТИ; к упомянутому *vēti* – *avidat* существует параллель с другим детерминативом – авест. *vaenaiii*; объединение детерминативов из корня **vei-d/-n* – др.-инд. презенс *vindati* (сходную процедуру реконструкции см. в: [21]).

Образование же итеративов возможно

¹ По мнению С. Инслера, *-i* в аористе типа *ācṛāvi* "он был услышан" развился из *ḍ* как показателя инактивно-перфектной парадигмы [18]. Возможно также отождествление аористного пассивного *-i* с суффиксом др.-арм. пассивного аориста (*berim* "меня несли") и др.-инд. суффиксом пассивного презенса *-ya-* (*huyate* "его зовут"). Ср. литературу в [19].

двойное. Перфективные² корни могут приобретать различные аффиксы: либо редуцироваться (др.-инд. *ādāt* – *dadāti*), либо осложняться назальным инфиксом др.-инд. *aśrot* "он услышал" – *śṛnoti* (греч. ὤρτο "он поднялся" — ὄρνυμι). Как показал еще Ф.Б.Й. Кёйпер, назальный инфикс есть собственно суффикс, к которому присоединяются другие [21]: NA + TA > NAT (7 класс санскритского глагола), NA + WA > -no/-ni- (5 класс санскритского глагола), NA + NA > > -nā/-nī- (9 класс). При этом именно назальный инфикс имеет строго презентное значение (все вышеперечисленные назализованные формы суть презенсы), и в аористе он выпадает. А. Эрхарт предложил для этого факта оригинальное и интересное объяснение: именно накопление суффиксов приводит к развитию в глаголе итеративного значения, которое затем в оппозиции к перфективному может ослабевать до имперфективного.

Другой способ образования итеративов – глаголы со ступенью *o* корневого вокализма и суффиксами: -*eio-* в восточном индоевропейском ареале, -*iīl-*, -*ā-* в западном. Ср. греч. φορέω "носить", повέω "заботиться"; лат. *dicare* "возглашать", *educare* "воспитывать", гот. *miton* "обсуждать", др.-в.-нем. *zogon* "двигать", лит. *ganai* "отгоняю", *variai* "поворачиваю", слав. ГОНИТИ, НОСИТИ³. Эти итеративы частично деградировали, т.е. превратились в имперфективы, частично перешли в каузативы. Формирование же собственно времени связано с внедрением во флексию элемента -*i*, придававшего форме актуальное значение.

Таким образом, А. Эрхарт исходит по сути из положения о немаркированности основы перфектива по сравнению с имперфективной. Однако есть факты, говорящие о том, что здесь были более сложные отношения. Прежде всего – наличие небольшого, но чрезвычайно архаического класса корневых атематических аористов в др.-инд. и греч. Презенс может образовываться путем присоединения к этим аористическим корням "первичных" окончаний: упоминавшимся аористам *ādāt*, *ādhāt* соответствуют и простые презенсы

dāti, *dhāti*. Тем самым вышеупомянутый тезис А. Мейе не может считаться полностью релевантным, по крайней мере для древнейшего состояния. Показатель актуальности (связанности с моментом речи) способен переводить глагольную форму не только из претерита в презенс, но и из аориста в не-аорист. Другой грамматический способ представлен в хеттском, где корневые глаголы упомянутого типа спрягаются по парадигме на -*hi*. В этом спряжении репрезентируются флексии индоевропейского перфекта [22–23], которые в данном случае имеют не столько стативное, сколько дуративное значение.

Два этих грамматических способа показывают, что в праиндоевропейском существовала привативная оппозиция аорист: презенс, причем немаркированным членом был аорист. Видимо, ему нельзя изначально приписывать перфективное значение. Его развитие было связано с внедрением в глагольную систему ряда аффиксов (и здесь можно согласиться с автором, полагающим, что сигматический суффикс -*s-* является показателем однократного действия). При этом многие аффиксы, как показал Ф. Кёйпер [21, с. 60] могли иметь не перфективирующую, а, напротив, дуративную или итеративную функцию. Изначальную не грамматическую, а лексическую функцию того же сигматического суффикса позволяло установить некоторые сигматические презенсы: др.-инд. *bhāvati* "становиться" – *bhūṣāti* "стремиться; украшать" (к тому же корню, по-видимому, относится русск. *быстрый* и *бушевать*: **bhū-s-ro-* и **bhū-sie-*). Трансформация глагольной системы привела к тому, что в центре системы встал презенс как немаркированная форма (непретеритальная, нефутуральная, немодальная); ряд аффиксов, варьировавших лексическое значение корня, приобрел аспектуальную функцию.

В описании глагольной диатезы автор использует с видоизменениями набор ДП, предложенный им в ранней работе [22]: прогрессивность (pg) – направленность действия из субъекта, регрессивность (rg) – направленность действия на субъект, трансгрессивность (tg) – наличие при предикате двух актантов – субъекта и объекта. Прогрессив – это активный залог, регрессив – пассивный, прогрессив-регрессив – медиальный, отсутствие обоих ДП – статив. Трансгрессивность отличает собственно медий от непрямого возвратного залога и реципрока (взаимного залога). Так, в предложении *Мальчик моется* нет трансгрессивности, так как субъект и объект выражены единым термом, а в предложениях *Мальчики моют друг друга* и *Мальчик моет себе руки* субъект не адек-

² Следует различать перфективы – глаголы с однократным значением – и перфекты – древние стативные формы глагола, развившиеся затем в результатив.

³ В латинских *dicare* и *educare* представлена не ступень *o*, а *Ø*. Ср. *dīco* < **deico* и *dūco* < **deuco*. Это показывает, что, как и у перфекта, у глаголов на *-*a-* изначально *Ø* ступень, что открывает новые пути в реконструкции индоевропейских неагентивных глагольных форм.

вaten объекту, поэтому данные предложения трансгрессивны. Различаются же они благодаря ДП интровертности/экстравертности: непрямой медий интровертен, реципрок экстравертен. Отдельные ДП оказываются нерелевантны при определенных граммемах – трансгрессивность при активном залоге (так как в индоевропейских языках нет формального различия переходных и непереходных глаголов), интровертность при стативе.

Залоговые формы могут менять свое содержание: медий переходит в актив (депонентные глаголы в греческом, латыни, древнеиндийском, тохарских), в пассиве (ср. возвратные формы в славянских и скандинавских языках), пассив – в статив (пассивные причастия в немецком: *das Brief wird geschrieben* "письмо пишется" – пассив; *das Brief ist geschrieben* "письмо написано" – статив), статив – в пассив. Последнее означает, что исчезают специальные способы выражения стативной грамлемы. Основные же грамматические способы выражения залога следующие.

Актив: глагольные корни разных типов и времен с активными или медиальными окончаниями.

Медий: те же корни с медиальными окончаниями; активные глаголы с возвратными частицами.

Пассив: особые глагольные корни типа др.-инд. *diyáte* "дается", греч. *ἐδόθη* "он был дан" (аорист) с медиальными или активными окончаниями; иногда неотличим от медия.

Статив: особые корни с особыми аффиксами (перфектная серия), особый презенс (с долгим гласным или йотовым суффиксом) и активные или медиальные окончания.

Восходя от обрисованной выше картины залогов в зафиксированных языках, автор предлагает следующую праиндоевропейскую систему граммем (указаны 1, 2, 3 л. ед.ч., 3 л. мн.ч.; 1 и 2 л. мн.ч. сформировались позже): актив – *m, s, t, nt*; реципрок – *me/we(+s, m)*; *telthe(+s, m)*; медий – *Ho, so, to, nto/o*. Флексии медия отличаются от актива только полной ступенью своего вокализма. Это обусловлено передвижением акцента, выступающего здесь как грамматический способ, образовавший самонаправленную функцию глагола [24–25]. Иной тип флексии обнаруживается у пассива, статива и непрямого рефлексива. Пассивные флексии, по мнению автора, суть те, которые приписаны перфекту: *Ha, iHa, e*; статив же характеризуется структурой корня *С°Сé* (окисителностью) и флексиями *H, Ø, Ø*. Иными словами, элемент **-e* в пассиве (= перфекте) присутствует в качестве флексии, а в стативе – в качестве элемента основы. Это – вывод чрезвычайной важности, к которому мы еще вернемся. Особая же серия флексий реф-

лексива, по мнению автора, появилась в результате контаминации активной и стативной серий: 1 л. ед.ч. **-Hem* отраженное в греч. *-μην* (дор. *-μιν*) – 1 л. ед.ч. медиального имперфекта и аориста; 2 о. *thēs* (др.-инд. 2 л. пассивного аориста *-thah*, греч. *-θης* – 2 л. пассивного аориста, из которого выделился формант *-θη⁴*). По аналогии автор восстанавливает 3 л. как *-ēt*. Такую флексию можно предположить в качестве прототипа греч. 3 л. пассивного аориста. Далее рассмотрены сочетания этих серий с различными вариантами корней (с полной и Ø ступенью, ступенью *o*, редупликацией и т.д.). Эти варианты корня и образуют три рассмотренных выше глагольных аспекта. Особо отмечается, что аористные корни (с активным формантом *-s* и пассивным *-i*) поначалу не имели личных окончаний. Представляется, что этот вывод хорошо согласуется с мнением Ю.С. Степанова о том, что неизменяемые сигматические глагольные формы со значением сверхкраткого действия (*kāls* "скок", *kils* "стук") суть древнейшие формы сигматического аориста. К этому же классу можно отнести некоторые сигматические неизменяемые глагольные формы типа лат. *fas* "божественное право", греч. *μῖξ* "вперемешку", *πύξ* "кулаком". Из этой реконструированной системы выводятся глагольные парадигмы древнеиндийского, древнеиранских и древнегреческого языков, чему посвящена следующая глава. В ней упор сделан на трансформацию окончаний. Интерес представляет идея автора о том, что окончания дуалиса восходят к реципрокальным: 1 л. **wes* – скр. дв. ч. – *-vah*, церк.-слав. *-Bѣ*; 2 л. **telthe-s* – скр. *-thah*, слав. *-TE*, греч. *-tov*, 3 л. **te-m* – скр. *-tam*, слав. *-TE*, греч. *-tov*.

В следующей главе ("Время и наклонение") автор подчеркивает, что в различных наклонениях различается желающий и действующий. В любой модальной форме можно обнаружить следующие оппозиции: желающий Я (-говорящий)/Иной; действующий Я/Иной. Исходя из этого, автор предлагает пятичленную оппозицию: *V₁* (Я-желающий, Я-действующий), суффикс *-H(e)s-* (дезидератив – древнеиндийский; также лат. футурум II); *V₂* (Я-желающий, Он-действующий); суффикс *-ieH/iH* (праоптатив), *V₃* (Иной-желающий, Я-действующий), суффикс *-(I)en(i)-* (так называемый Я-дебитив, прилагательные долженствования, др.-инд. прилагательные на

⁴ Иначе объясняет этот аорист П. Шантрен: аористный терминативный формант *=θ-* (*κίω* "двигаться" – *κίθον* "они бросились") + показатель пассива *-η* [26].

-*anya*-, лат. герундивы на *-nd*⁵, лит. — на *-ina*), V₄ (Иной-желающий, Он-делающий), суффикс *-tu* (3 л. императива), V₅ (Ты-делающий), суффикс Ø (2 л. императива). Ср. в этой связи мнение Е. Куриловича о том, что императив в 2 л. так же немаркирован, как и индикатив в 3 л., поэтому обе формы характеризуются нулевым аффиксом [29].

В дальнейшем система модусов оказалась связана с системой времен: в число ДП вошли такие, как реальность, претеритальность. Автор рассматривает историческое развитие соответствующих глагольных граммем. Выражением ДП претеритальности был аугмент, и только в более позднюю эпоху, в связи с развитием показателей презенса (элемента *-i*) он мог отпадать. Однако этот тезис, на наш взгляд, не вполне убедителен. Во-первых, аугмент не встречается нигде за пределами греко-индоирано-армянского ареала (составляющего диалектную общность и по многим другим изоглоссам); попытки выявить следы аугмента в других диалектах (албан. *hëngra* "он съел", лувийская частица *a-a* "вот") не могут быть признаны удачными. Во-вторых, следует отличать армянское отпадение аугмента от греко-индоиранского. В первом случае мы имеем дело с настоящей инновацией, обусловленной структурой слова: многосложные формы теряют аугмент (нечто похожее наблюдается и в новогреческом). Напротив, в микенском греческом отсутствие аугмента практически облигаторно, а сопоставление ведических и гомеровских аугментных и безаугментных (инъюнктивных) форм позволяет сделать вывод о том, что аугмент был изначально не столько претеритальной, сколько эмфатической частицей (подробнее см. [30]). В оппозиции к претеритальным формам инъюнктив приобрел значение ирреальности, в оппозиции презенсу (с постфиксом *-i*) — неактуальности. По мнению А. Эрхарта, эту функцию (неактуальность, нереальность) нес тематический аорист, который и стал предтечей конъюнктива. С нашей точки зрения, модальная функция

напрямую связана с теми значениями, которые придавало глаголу передвижение акцента на тематический гласный [31]. В сочетании с тематическими основами конъюнктивные суффиксы **-e-/o-* удлиннились.

В разделах, посвященных западным индоевропейским языкам (VII и VIII) отмечается существенная перестройка глагольной системы в этих языках: конъюнктив слился с оппозитивом и/или с футурумом, дезидератив превратился в субъюнктив и/или футурум, старый имперфект заменился новообразованиями (в итало-кельтском, славянском) или старым перфектом (в германских языках). Отметим новую этимологию германского дентального претерита и латинского имперфекта. Как известно, для первой категории предлагались три объяснения: 1) причастие на **-to* с личными окончаниями; 2) обобщенное 2 л. перфекта **-thās > da*; 3) вспомогательный глагол **dhē-* (последняя реконструкция основана на гот. 3 л. мн.ч. *habadedun*). Латинский имперфект считался соединением глагольной основы с вспомогательным глаголом *bhūā* "быть, стать". Автор же полагает, что обе формы восходят к архаическому претериту, в котором на стыке вокального ауслаута основы и суффикса произошло зияние, устраненное глайдом **-dh-*.

На наш взгляд, латинский имперфект здесь остался все же необъясненным. Дело в том, что и.-е. **dh* переходит в латинское *h* в строго определенных условиях (после *u, r*), тогда как суффикс имперфекта появляется после ауслаутов *-a-, -e-*. Старая этимология объясняет его более убедительно. Кроме того, большую роль в разрешении этого вопроса могут сыграть данные других италийских языков. Так, в оскском известен дентальный претерит: *dedikatted* = лат. *dedicavit* "посвятил", *prufatted* = лат. *probavit* "испытал". Дентальный претерит давно сравнивался с причастием на *-to* [32]; он, по-видимому, и является непосредственным аналогом слабого германского претерита.

Последняя глава (X) посвящена анатолийской глагольной системе. К ее архаизмам автор относит: окончание 1 л. ед.ч. *-h*, принцип накопления флексий грамматических значений (когда флексия без помощи суффиксов выражает и диатезу, и время), факультативность частицы *-r* в медиопассиве, оппозиция *nt/r* в 3 л. мн.ч. Инновации — исчезновение аспектуальной оппозиции, объединение аориста и перфекта в едином претерите, новые окончания претерита; распространение итеративов на *-ske-* и спряжения на *-hi*. Принцип накопления грамматических значений привел к инновации — исчезновению конъюнктива и

⁵ Любопытно, что исследуя модальную систему глагола, А. Эрхарт включил в свой обзор и прилагательные должностования. На наш взгляд, это доказывает ограниченность его установок рассматривать только личные глаголы. В действительности неличные формы сохраняют много формальных и семантических архаизмов, мимо которых исследователь не должен проходить. Именные же суффиксы сами по себе могут быть немодальны; модальное значение им придает передвижение акцента на ауслаут и тематизация. Ср. хеттские отглагольные имя на *-tar* и связанный с ним гетероклисей суффикс герундия *tanpa* [28].

оптатива⁶. В целом анатолийский глагол свидетельствует о раннем отделении аналогийской ветви от индоевропейского континуума, но не о правомочности "индо-хеттской" гипотезы.

Работа А. Эрхарта без преувеличения может быть названа выдающимся исследованием. Несмотря на спорность отдельных положений (отмеченных в нашей рецензии), строгий структурный метод реконструкции позволил автору сделать ряд ценных наблюдений и сформулировать свою концепцию глагола. Собранный и проанализированный автором материал не только подтверждает известную гипотезу о бинаризме индоевропейского глагола (где противопоставляется "примитив", или агентивные формы глагола, и статив), но и обрисовывает дальнейшее развитие системы, формирование новых парадигм на основе старых форм. Особое значение имеет реконструкция древней морфологической неформальной формы статива с ударением на вокальном ауслауте. Переразложившись, она стала основой перфекта, без переразложения – прототипом всех видов тематического спряжения, а также – конъюнктива. Очевидно, изначально имела место оппозиция двух форм: баритонной, немаркированной, и окситонной, указывавшей на внутренние состояния и потенции субъекта. Из нее развились, с одной стороны, стативные, неагентивные глагольные формы, с другой – модальные. В литературе неоднократно указывалось, что подобная форма была по сути отглагольным прилагательным [5, с. 56; 7, с. 48]. Аргументы в пользу именно такого толкования могут быть найдены в литовском, где стативные глаголы и наречные формы (восходящие к ср. роду прилагательных) весьма близки морфологически (Ø аффикс), семантически (состояние), в управлении (образуют безличные конструкции). Ср. *šiai dien šalta* "сегодня морозит" (глагол) и *šiai dien šalta* "сегодня холодно" (прилагательное). Вместе с тем К. Уоткинс с полным основанием объявляет рассматриваемую форму первичной глагольной [7, с. 47]. Как показывает изучение корневых глагольных имен, именно окситонность вводит в словоформу идею изменения во времени. Такие имена, как греч. *σκολός* "стражник, цель", *ἀμοιβός* "сменяющийся", др.-инд. *bhojá* "щедрый", *yodhá* "боец; сражающийся" обозначают временные признаки предмета. Дальнейшее изучение этих проблем приводит к

отвержению априорных, заимствованных из синхронной типологии схем и позволяет правильно понять истоки и развитие индоевропейской глагольной системы. Ценность рецензируемой книги – непреходяща.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brugmann K Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen; Bd. II, H. 2. Strassburg, 1893.
2. Ельмслев Л Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I, М., 1960.
3. Якобсон Р О К общему учению о падеже // Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.
4. Jakobson R Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // TCLP. 1936. V. VII.
5. Kurylowicz J L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
6. Фортунатов Ф Ф Избранные труды. М., 1956. Т. I.
7. Watkins C Indogermanische Grammatik. Bd. III: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.
8. Erhart A Studien zur protoindoeuropäischen Morphologie. Bmo, 1970.
9. Герценберг Л Г Вопросы реконструкции индоевропейской просодии. Л., 1981.
10. Красухин К Г К вопросу о системе личных показателей индоевропейского глагола // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 "Филология", 1986, № 6
11. Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
12. Бадер Ф Флексии сигматического аориста // НЗЛ. XXI. М., 1989.
13. Бомхард А Р Развитие личных показателей атематического глагола в праиндоевропейском // ВЯ, 1993, № 4.
14. Benveniste E Noms d'agent et noms d'action P., 1948.
15. Rosén H Uterum dolet und Verwandtes Zu einen übersehenen frühlateinischen Zeugnissen impersonaler oder intransitiver Verbalstruktur // East and West. Selected writings in linguistics by H.B. Rosén. I, General and Indo-European linguistics. I. München, 1982.
16. Meillet A Remarques sur les desinences verbales de l'indoeuropéen // BSLP, 1922. V. 23, f. 1.
17. Dressler W U Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968.
18. Insler S Origin of Sanscrit Passive Aorist // IF, 1968, Bd. 73.
19. Серебrenников Б А Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
20. Erhart A Der indoeuropäische Akzent und seine Funktionen // Sbornik prací filosofické fakulty Brnenské university, 1975, A 22–23.

⁶ Следы индоевропейского тематизирующего конъюнктива сохранились в 1 л. ед.ч. хеттского императива: *ašalli* "я бы был", ср. вед. *asat* "то же", лат. *ego* < **eso* "я буду".

- 21 *Kuiper F B J* Die indogermanische Nasalpräsentia Amsterdam, 1937
- 22 *Erhart A* Zur Entwicklung der Verbaldiathese im Indoeuropäischen // SPFFBU, 1981, A 29
- 23 *Stang Ch* Perfektum und Medium // NTS, 1932, V 6
- 24 *Kurilowicz I* Les désinences moyennes de l'indoeuropéen et du hittite // BSLP, 1932, V 33, fasc 1
- 25 *Красухин К Г* К вопросу о соотношении индоевропейского активного и среднего залога // ВЯ 1987 № 6
- 26 *Chantraine P* Les verbes grecques en-θω // Mélanges J Vendryès P 1925
- 27 *Степанов Ю С* Индоевропейское предложение М, 1989
- 28 *Красухин К Г* К вопросу о происхождении латинских герундиев-герундивов и соотношении их с другими отглагольными наречиями // ВЯ, 1992, № 5
- 29 *Kurilowicz I* The inflectional categories of Indo-European Heidelberg, 1964
- 30 *Красухин К Г* Дейктические элементы в категориях времени и наклонении (на материале древних индоевропейских языков) // Человеческий фактор в языке Коммуникация Модальность, Дейксис М, 1992
- 31 *Красухин К Г* Значение оппозиции тематических и атематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции // Сравнительно историческое изучение языков разных семей Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры М, 1989
- 32 *Buck C D* A Grammar of Oscan and Umbrian Chicago, 1903
- 33 *Schwyzel E* Griechische Grammatik Munchen 1939 Bd I

К Г Красухин